

ИЗ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА СРЕДНЕЧЕРНОЗЕМНОГО РАЙОНА РОССИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

(НА ПРИМЕРЕ «СТЕПНЫХ ИМЕНИЙ» ЮСУПОВА)

Г. А. Фавстов

В настоящей статье сделана попытка показать, как развивалось сельское хозяйство среднечерноземного района России в период от реформы 1861 г. до кануна революции 1905—1907 годов. Этот период не подвергался специальному изучению в нашей литературе. В качестве объекта исследования взят комплекс «Степных имений» князя Юсупова, сложившийся еще в конце XVIII века. Расположенные на территории трех соседних губерний — Орловской, Рязанской и Тульской — и составлявшие в то же время единое административно-хозяйственное целое, имения Юсупова представляли собой одну из тех комбинаций, которые дают возможность исследователю в известной мере выявить типичные явления, характерные для весьма обширного района¹.

«Степные имения» Юсупова были расположены в давно сложившемся сельскохозяйственном районе, где производство зерновых хлебов стало преобладающим задолго до отмены крепостного права.

В 1861 г. в этих имениях было введено 12 уставных грамот, которые и определили взаимоотношения владельцев и освобожденных крестьян на ряд последующих лет. Согласно грамотам, в пользу помещика было отрезано 16% лучших общинных земель, крестьяне совсем лишились леса². Средний душевой надел составил 2,1 десятины. «Хотя мы и получили по три десятины на душу надела,— жаловались временнообязанные крестьяне деревни Прилепы в Петербургскую канцелярию,— но удобной у нас находится не более полуторы десятины на душу, да и та не совсем хлебородна, а остальная вся в оврагах»³. Пользуясь отсутствием точных приборов для измерения земельных угодий, Юсупов преувеличил в уставных грамотах действительное количество отводимой крестьянам земли, лишил их водопоев, выпасов, закрепил, где было только возможно, чересполосицу и т. д.

¹ Согласно описи имений Н. Б. Юсупова за 1860 г., в комплекс «Степных имений» входили: Тульская губ.: Тульский уезд, сельцо Барсуки; Богородицкий уезд, села Никитское и Новгородское и сельцо Пруды; Елифанский уезд, сельца Покровское, Новопоселенное, Орлово; Ефремовский уезд, села Куркино и Богословское; Веневский уезд, сельцо Белоколодезь; Чернский уезд, села Спасское и Акинфьево, деревня Прилепы. Рязанская губ.: Данковский уезд, деревни Выселки и Рыхотка. Орловская губ.: Карачаевский уезд, село Робыя и деревня Бычанец; Дмитровский уезд, деревня Кучеряевка.

Накануне реформы 1861 г. в «Степных имениях» насчитывалось около 16 тыс. дес. земли и около 3 тыс. душ крепостных мужского пола; на долю крестьянских хозяйств приходилось около 10 тыс. дес. земли, или 62% (Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 1290, оп. 4, ч. II, д. 2223, лл. 5—10).

² Там же, д. 2164, л. 144.

³ Там же, д. 2192, л. 21.

По уставной грамоте, свыше 300 крестьян сел Никитского и Новгородского лишались покосов, находившихся в господских лесах⁴. У 900 крестьян села Робья и деревни Бычанца было отнято почти 1 500 дес. пашенной и покосной земли, без которой они не могли обойтись, что было отлично известно владельцу. Последний позаботился о том, чтобы в уставную грамоту было вписано условие, согласно которому крестьяне за пользование землей должны были платить ему свыше 2 тыс. руб. в год⁵. Уставная грамота для крестьян сельца Барсуки предусматривала повышение оброка на 75 коп. серебром с души за пользование заливными лугами⁶.

По дополнительным условиям, записанным в уставные грамоты сельца Орлова и Новопоселенного, а также деревень Рыхотки и Выселок, помещик в течение 6 лет должен был получать недоимку: с первых за невыставленные в Москву подводы, за пашенные земли, за солому и столовый запас 699 руб. 83 коп. и хлеба — ржи и овса — 1 527 четв. по 2 руб. 20 коп. за каждую четверть на 3 359 руб. 40 коп., всего недоимочная сумма выразилась в 4 059 руб. 23 коп.⁷, со вторых за невыставленные в Москву подводы, за пашенные земли, столовый запас и солому 1 021 руб. 37 коп. и хлебной ржи и овса — 1 964 четв. по 2 руб. 20 коп. за каждую четверть на 4 321 руб. 90 коп., вся недоимочная сумма составила 343 руб. 27 коп.⁸.

В пользу Юсупова было проведено и разверстание земель. Главноуправляющий имениями в ноябре 1863 г. докладывал ему по этому поводу следующее: «Я успел согласить крестьян (к разверстанию.— Г. Ф.) с полным соблюдением пользы Вашего сиятельства... имея в виду, что при наделе, не обеспечивающем крестьянского быта, может последовать через 6½ лет отказ их от земли, я старался... и достиг того, что этих грустных последствий в Тульском... имении не будет»⁹. В ноябре 1864 г. управляющий сообщал, что он так сумел «устроить быт крестьян» в большей половине имений, что они оказались прочно прикрепленными к земле¹⁰.

Однако при разверстании земель Юсупов столкнулся с упорным сопротивлением крестьян. Так, в деревне Рыхотке они отказались от предложения помещика, ибо отводимая им земля находилась далеко от хозяйств¹¹. В сельце Орлове после разверстания вся крестьянская земля оказалась окруженной помещичьей, что вызвало протесты со стороны крестьян, поскольку это неизбежно влекло за собой либо штрафы за потрапы, либо кабальную аренду прогонов. В деревне Кучеряевке крестьяне упорно не желали отдавать Юсупову «луговые места по речке Кучеряевке, по которым устроены ими так называемые копани для вымочки сырой пеньки»¹². Действия крестьян вполне понятны: конопля была для них одним из главных источников денежных поступлений. Ревизор имений Вевель, производивший обследование Орловской экономии, писал по этому поводу: «Самый выгодный полевой продукт по Орловской губернии состоит в разведении конопли, от которой землевладельцы получают значительные выгоды через пеньку, ценность которой зависит от удачной вымочки в копанях при сборе хорошего качества воды»¹³. Крестьяне села Никитского требовали от помещика возратить отобранную у них в

⁴ Там же, д. 2155, л. 138.

⁵ Там же, ф. 1290, оп. 3, ч. VII, д. 7149, лл. 34—35.

⁶ Там же, д. 2155, л. 146.

⁷ Там же, л. 205.

⁸ Там же, л. 135.

⁹ Там же, ф. 1290, оп. 2, д. 1709, л. 23.

¹⁰ Там же, л. 75.

¹¹ Там же, оп. 3, ч. VII, д. 7145, л. 16.

¹² Там же, оп. 4, ч. II, д. 2192, л. 136.

¹³ Там же.

1860 г. землю на том основании, что «всегда может нашим скотом сделана потрава вашего хлеба»¹⁴.

Помещик предписал своему управляющему, в случае несогласия крестьян принудить их к обязательному разверстанию, «соблюдая по возможности соответственно моим правилам выгоды»¹⁵. Естественным следствием таких мер, как и малоземелья, была кабальная аренда земли у помещика.

Сумма годового оброка в «Степных имениях» устанавливалась владельцами в 10 тыс. руб.¹⁶ (почти такая же цифра была до реформы), а размеры барщины — 80 тыс. мужских и женских дней, причем две трети их приходились обязательно на летнее время¹⁷. Выкуп был определен в 360 тыс. руб.¹⁸, хотя по рыночным ценам выкупаемая земля стоила гораздо дешевле. Юсуповы затащили выкупную операцию вплоть до 70-х годов, сохраняя на основе «временнообязанных» отношений по существу те же дореформенные платежи и повинности крестьян.

Реформа 1861 г. не вызвала у крестьян «Степных имений» открытых выступлений, подобных безденескому и кандеевскому. Но пассивное сопротивление и отдельные протесты имели место и здесь. Спустя несколько дней после обнародования «Манифеста» в марте 1861 г. возникло брожение в Прудовско-Никитской вотчине. Крестьяне здешних мест намеревались оставить работу на помещичьих полях, если им не будет выдано зерно для посева¹⁹. В мае вотчинное правление сообщило, что «обработка земли под посев овса во время его посева и после против прежнего неудовлетворительна и все старания надзора и внушения крестьянам работать лучше остаются без внимания, в той надежде со стороны крестьян, что правление не может с ними справиться»²⁰.

Весной 1863 г. 200 временнообязанных крестьян села Робыя и деревни Быгача отказались отдать Юсупову свои три мельницы и копани для вымочки пеньки, и только вмешательство полиции заставило их это сделать²¹.

Разверстание земель в «Степных имениях» проходило вплоть до 1870 года. Одной из главных причин затяжки было сопротивление крестьян мероприятиям помещика.

Какие же изменения произошли в развитии сельскохозяйственного производства «Степных имений» в пореформенный период?

Помимо ржи, овса, гречихи, выращивавшихся здесь издавна, в 80—90-х годах наметился некоторый перелом в сторону расширения посевов высокотоварных технических культур: картофеля, сахарной свеклы, льна и конопли²². Частично стало практиковаться травосеяние, но в весьма ограниченных размерах, так как крайняя стесненность крестьян в выгонах позволяла им сеять траву только на арендованной пашне или на распашных лугах. Так, в сельце Орлове в 1891 г. крестьяне «пробовали травосеяние по болотцам; трава родилась очень хорошая, но опыты не повторялись ввиду недостатка в пастбищах». В сельце Новопоселенном, Рыхотской волости, «крестьяне несколько раз пытались вводить травосеяние, но неудачно — трава выгорала»²³.

¹⁴ Там же, д. 2156, л. 209.

¹⁵ Там же, д. 2197, л. 102.

¹⁶ Там же, д. 2175, лл. 30, 41.

¹⁷ Там же, д. 2155, лл. 27, 87, 88, 92, 118, 134; д. 7147, л. 45.

¹⁸ Там же, д. 2167, лл. 7, 8.

¹⁹ Там же, д. 1290, оп. 4, ч. II, д. 2202, л. 236.

²⁰ Там же, оп. 5, ч. I, д. 456, л. 457.

²¹ Там же, оп. 4, ч. II, д. 2156, лл. 129, 133, 134, 138.

²² Тульский областной государственный архив (ТОГА), ф. 90, оп. 5, ч. 1, д. 35689, л. 5; ЦГАДА, ф. 1290, оп. 4, ч. II, д. 2156, л. 93; оп. 42, д. 30, л. 32 об.

²³ «Итоги оценочно-экономического исследования Тульской губернии, Елифанский уезд». Вып. 2. Тула. 1903, стр. 100.

Однако и в эти годы преобладало производство «серых» хлебов (ржи и овса)²⁴. Животноводство было развито слабо, играя подчиненную роль по отношению к хлебопашеству²⁵. Скот служил дополнительным источником питания. Шерсть и кожу продавали, а также использовали для собственных нужд.

Господствующей системой земледелия продолжало оставаться трехполье. Случаи перехода к многополью даже в конце XIX в. были весьма редки и наблюдались лишь в отдельных хозяйствах²⁶. Сельскохозяйственные машины и улучшенные земледельческие орудия также не получили сколько-нибудь широкого распространения. В одном из обзоров конца XIX в. говорилось, что в Тульской губ. «крестьяне пашут главным образом сохами», только «на север от Тулы встречается много плугов; наоборот, в южных частях губернии плуги очень редки. Молотилки и веялки всюду распространены. Других усовершенствованных земледельческих орудий и машин в крестьянском хозяйстве почти не встречается»²⁷.

Основная причина такого медленного развития заключалась в крепостническом характере реформы, сохранившей помещичье землевладение. Достаточно сказать, что в первое пореформенное десятилетие в имениях Юсупова интенсивно использовался труд временнообязанных крестьян. Работы в экономиях по-прежнему производились под контролем сельских начальников, и установленные порядки настолько были похожи на существовавшие ранее, что само вотчинное управление называло эти работы не иначе, как барщиной²⁸.

Из-за малоземелья, увеличенного отрезками, в «Степных имениях» получили распространение различные виды крестьянской аренды: денежная, отработочная, а также смешанная. При всякого рода отработочных формах крестьянский труд обходился владельцам в 2—2,5 раза дешевле, чем при капиталистическом найме²⁹. О характере и размерах аренды можно судить по следующим примерам: в 1865 г. прудовские крестьяне за взятую под озимый посев землю должны были доставить господский хлеб в Москву и село Архангельское³⁰. В Спасской экономии в 1869 г. земля в яровом клину и частью в озимом отдавалась в аренду: первая по 6 руб. или по 5 руб. 50 коп. за десятину с доставкой господского хлеба с поля, а вторая — только за деньги — по 7 руб. за десятину³¹.

В феврале 1877 г. в селце Прудах Я. Абрамов и М. Никифоров взяли в аренду у Прудовской экономии покосы за 45 руб., которые они обязывались уплатить к 1 ноября того же года. В случае невнесения указанных денег в срок предусматривалась неустойка в размере половины неоплаченной суммы³².

Крестьянин деревни Плохие Ярмарки Ф. Спиридонов с 10 товарищами в 1877 г. сняли на год в орловских дачах 21 дес. земли под яровой посев по 9 руб. за десятину. В случае неуплаты ими денег к 15 ноября правление имело право взыскать с них сверх аренды половину этой суммы³³.

9 крестьян села Новгородского сняли в том же году в аренду 7 дес. 1700 саж. на покос травы за 75 рублей. Несвоевременная уплата денег влекла за собой штраф в размере половины долга³⁴.

В апреле 1877 г. в селце Орлове арендовалось в орловских дачах

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, стр. 96.

²⁶ См. «Энциклопедический словарь». Т. XXXIV. Изд-во Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб. 1902, стр. 49.

²⁷ «Обзор Тульской губернии за 1890 г.». Тула. 1896, стр. 2.

²⁸ ЦГАДА, ф. 1290, оп. 4, ч. II, д. 2156, л. 66.

²⁹ Там же, д. 2195, л. 6; ТОГА, ф. 37, оп. 37, д. 30671, л. 61.

³⁰ Там же, ф. 1290, оп. 4, ч. II, д. 2172, л. 411.

³¹ Там же, л. 1083, оп. 75/4, ч. 1, л. 48.

³² Там же, оп. 5, ч. III, д. 4936, л. 1.

³³ Там же, ф. 1290, оп. 5, ч. III, д. 4936, л. 7 об.

³⁴ Там же, д. 4936, л. 3.

69 дес. пара и 212 дес. ржаницы для пастьбы скота. В качестве оплаты все общество обязалось вывезти из Орловской экономии на господские поля третью часть необходимого навоза. Другую треть должны были доставить крестьяне деревни Рыхотки за снятые ими 83 дес. пара и 112 дес. ржаницы³⁵.

В мае того же года 67 крестьян новгородского общества за право пользования в течение одного лета травой по руслу речки Филипповки (30 дес.), паром и жнивьем в Задубровском овраге (142 дес.), отавой в Дубровском овраге, а также за возможность пасти на господском пару своих лошадей должны были вывезти по первому требованию прудовского правления на поля Дубровской экономии 4 тыс. возов навоза по 15 пуд. в каждом. В случае невыполнения условия помещик мог взыскать неустойку в размере 300 руб. и лишить крестьян права на снятые ими угодья³⁶.

В июне 1877 г. 61 крестьянин сельца Прудов арендовал у управляющего Энке на лето покос в Трухином пчельнике, 60 дес. пара в Дубровском поле для пастьбы скота и 50 дес. ржаного жнивья в Прудовском поле. Условия аренды были примерно такие же, что и в селе Новгородском: доставить по первому требованию из прудовского скотного двора и других мест 4 100 возов навоза по 15 пуд. в каждом. В случае неявки на работу всего общества правление имело возможность требовать выхода на работу отдельных крестьян и осуществлять доставку навоза малыми возами. Неявившиеся теряли право на пользование снятыми угодьями. Кроме того, за покос в 11 дес. 2 100 саж. необходимо было убрать еще 14 дес. 300 саж. господского покоса: скосить траву, высушить ее, сгрести и перевезти на своих лошадях на господское гумно, сложить в скирды и покрыть их. При невыполнении взятых на себя обязательств крестьяне уплачивали неустойку в 200 рублей³⁷.

По неполным данным, за 1877 г. в «Степных имениях» свыше 350 хозяев заключили с управляющими имениями более пятидесяти сделок на аренду земли под отработки. Большинство арендаторов были малоимущими крестьянами, практиковавшими потребительскую аренду. Обычно они снимали в экономиях под отработки от 1 до 2 дес. земли. Наряду с этим имела место и крупная капиталистическая аренда. Так, старшина села Спасского арендовал в Спасской экономии под яровой посев 127 дес. 1 800 саж. земли по 5 руб. серебром с десятины на сумму в 638 руб. 75 копеек³⁸. В 1878 г. А. Синицын снимал в Рыхотской даче Прудовской экономии под озимый и яровой посевы около 100 дес. земли³⁹. Однако такие случаи были единичны.

Крайне отрицательным фактором в развитии крестьянского хозяйства в пореформенный период являлись непомерно высокие денежные платежи.

Как указывалось выше, в «Степных имениях» до окончания выкупных операций продолжалась выплата оброка и отбывание барщины. Размер оброка характеризуется следующими данными⁴⁰: в селах Никитском и Новгородском до реформы 1861 г. с души взималось оброка 11 руб., после реформы — 9 руб.; в сельце Прудах — 10 руб. до и 9 руб. после 1861 г.; в деревнях Прилепы и Ачкасово соответственно 11 руб. 40 коп. и 9 руб.; в селах Богословском и Куркино — 7 руб. 95 коп. и 7 руб. 95 коп.⁴¹; в сельце Белоколодезь и Кукуй — 8 руб. 30 коп. и 8 руб. 30 коп.; в сельце Барсуки — 9 руб. 27 коп. и 7 руб. 25 коп.; в селах

³⁵ Там же, лл. 10, 18.

³⁶ Там же, д. 4936, лл. 16—17.

³⁷ Там же, лл. 13—14.

³⁸ Там же, ч. 1, д. 2164, л. 158.

³⁹ Там же, д. 4936, лл. 11, 12, 35, 45.

⁴⁰ Там же, оп. 4, ч. II, д. 2155, лл. 40, 91, 117, 124, 137, 143; д. 7149, лл. 33, 34, 36; д. 7206, л. 5—8.

⁴¹ Там же, д. 2164, л. 47.

Робья и Бычанец — 9 руб. и 5 руб. 52 коп., в деревне Кучеряевке — 9 руб. и 8 руб. 28 копеек.

Хотя отрезка земли и привела к некоторому сокращению размера оброка, однако он оставался значительным и лежал тяжелым бременем на крестьянстве, в результате чего наблюдался систематический рост недоимок. Например, оброчная недоимка по трем селениям составила ⁴²: по селу Спасскому за 1861 г.— 40 руб., за 1862 г.— 35 руб. 74 коп. за 1863 г.— 262 руб. 93 коп.; по деревне Прилепам за 1861 г.— 42 руб. 50 коп.; по деревне Барсукам за 1860 г.— 303 руб. 65 копеек. В 1864 г. сумма, уплачиваемая Юсупову по недоимкам, была в селениях: Спасском — 22 руб. 87 коп., Прилепы — 974 руб., Рыхотка — 13 руб. 50 коп., Покровское — 31 руб. 16 коп., Белоколодезь — 269 руб. 75 коп., Куркино — 406 руб. 45 коп., Робье с деревнями — 348 руб. 47 копеек. В общей сложности недоимки составили 2 066 руб. 20 копеек ⁴³.

В последующие годы недоимки по оброку не были погашены, о чем свидетельствует нижеприводимая таблица ⁴⁴.

Годы	Следовало получить оброка		Получено оброка		Оставалось недоимки на январь следующего года		Сумма недоимки за прежние годы		Получено в счет погашения оброчной недоимки		Осталось недоимки на следующий год	
	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.
1865	10 267	69	8 603	—	1 664	68	2 677	66	2 087	38	590	28
1866	7 022	34	4 287	05	2 735	29	224	96	1 688	38	566	58
1867	5 435	44	3 826	83	1 608	60	1 713	95	1 427	95	286	—
1868	4 103	87	2 654	34	1 449	53	1 894	50	1 631	67	262	93 ⁴⁵
1869	2 479	91	1 995	93	483	93	211	65	211	65	—	—

Кроме повинностей в пользу помещиков, на крестьян падали чрезвычайно обременительные и многочисленные сословные выплаты. Они должны были вносить подушную подать, сословный, мирской сбор, деньги на борьбу с эпидемиями, нести расходы по устройству и поддержанию хлебных магазинов, содержанию проселочных дорог, принятию мер против пожаров, наводнений, саранчи и т. п., а также в обязательном порядке страховать свои усадебные постройки.

Столь тяжелое налоговое бремя не давало крестьянам возможности погасить недоимки. Положение не изменилось и к началу 80-х годов; это видно из приводимых ниже данных ⁴⁶.

За крестьянами села Новгородского и сельца Прудов, Богородицкого уезда, числилось недоимки за 1881 и 1882 гг. 3 416 руб. 60 коп.; за крестьянами села Куркино, Ефремовского уезда, за эти же годы — 362 руб. 71 коп.; за деревней Рыхоткой, Данковского уезда, и сельцом Покровским, Елифанского уезда, за 1880 г. соответственно за первым — 32 руб. 61 коп. и за вторым — 12 руб. 47 копеек.

В итоге по всем селениям недоимка выражалась в сумме 3 824 руб. 39 копеек.

Кроме сословных повинностей, крестьяне платили еще государственный поземельный налог, губернский и уездный земские сборы. Представление о размерах платежей дает следующий пример. Крестьяне се-

⁴² Размер оброка был установлен в 6 руб. 50 копеек. Надбавка в 75 коп. была произведена за пользование помещичьими заливными лугами.

⁴³ ЦГАДА, ф. 1290, оп. 4, ч. II, д. 2164, л. 277.

⁴⁴ Там же, оп. 5, ч. III, д. 4934, лл. 1, 3; оп. 4, ч. II, д. 2200, л. 9 об.; д. 2195, л. 10; оп. 3, ч. IV, д. 2188, л. 7; оп. 4, ч. II, д. 2175, л. 31; оп. 3, ч. VII, д. 2205, л. 1 об.

⁴⁵ Эта сумма числилась за временнообязанными крестьянами села Спасского с 1838 по 1868 г.; ввиду полной несостоятельности недоимщиков по распоряжению Петербургской канцелярии она была списана.

⁴⁶ ТОГА, ф. 90, оп. 47, д. 41070, л. 3.

ла Новгородского и сельца Прудов в 1891 г. должны были выплатить прямых налогов: первые — 2 руб. 70 коп., вторые — 2 руб. 61 коп. с десятины⁴⁷.

Насколько велика эта сумма, показывает сравнение ее с налогами, уплачиваемыми примерно в тот же период помещиком Юсуповым. Так, в 1894 г. Юсупов за 6 762 дес. земли, которыми он владел в «Степных имениях», выплатил 3 263 рубля⁴⁸. Сюда входили государственные земские и сословные повинности, иными словами, за одну десятину земли Юсупов платил около 48 коп., то есть в шесть раз меньше, чем крестьяне вышеуказанных селений.

Крепостнический характер реформы, обрекавшей большинство крестьян «Степных имений» на разорение, обусловил и отсталый характер юсуповских экономий: низкую технику, закоснелую структуру посевных площадей, сохранение полунатурального обмена. Развитие их шло крайне медленно.

Вплоть до 1869 г. в имениях не приобреталось никаких сельскохозяйственных машин и улучшенных земледельческих орудий. Только в начале 70-х годов впервые была закуплена партия сортировок и несколько плугов. В последующее время такие покупки приобрели регулярный характер, но расходы были незначительны: к середине 70-х годов стоимость всей сельскохозяйственной техники «Степных имений» не превышала двух тысяч рублей⁴⁹. В это время продолжало господствовать трехполье. Многопольные севообороты, применение химических удобрений, улучшенных сортов семян в первое послереформенное десятилетие совершенно не имели места. В основном производились «серые» хлеба. Такие культуры, как озимая пшеница, сахарная свекла и т. п., почти не высевались.

В период 1861—1875 гг. под рожью, овсом и гречихой было занято от 90% до 98% всей полезной посевной площади, на озимую пшеницу, коноплю, горох, кормовые травы и др. приходилось всего от 2% до 10%. В первое пореформенное десятилетие урожайность хлебов в «Степных имениях» была ниже среднегубернской (Тульская губ.) и только в середине 70-х годов превысила среднегубернский уровень: с десятины стали получать в среднем 52,6 пуда ржи, 63 пуда овса; по губернии соответствующие цифры составляли 39 и 44 пуда⁵⁰.

Хотя после реформы 1861 г. рыночные связи имений расширились, в 60—70-х годах в продажу поступало всего от 8% до 38% производившихся в них хлебов⁵¹. Остальное зерно расходовалось внутри экономий.

Развитие капиталистических отношений в «Степных имениях» было осложнено начавшимся в конце 70-х годов аграрным кризисом, вызванным резким падением хлебных цен на мировом рынке из-за конкуренции дешевого заокеанского хлеба, потоком хлынувшего в Европу. Последствия кризиса Юсупов, как и подавляющая часть помещиков, преодолевал не путем обновления и совершенствования сельскохозяйственного производства, а лишь за счет расширения кабально-отрабочных форм эксплуатации крестьян. Помещики резко сокращали свои собственные посевные площади и передавали их в аренду крестьянам. Так, по сравнению с предреформенными годами посевные площади в период кризиса

⁴⁷ Там же, ф. 244, оп. 1, д. 32, лл. 2 об, 76.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. 1290, д. 249, л. 1.

⁴⁹ Там же, оп. 4, ч. II, д. 2198, л. 125; оп. 5, ч. III, д. 4894, л. 7 об.

⁵⁰ Данные о средней урожайности хлебов по Тульской губернии взяты из книг «Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 года Комиссии...», СПб. 1903, стр. 162—163 и «Свод статистических материалов, касающихся экономического положения сельского населения Европейской России». СПб. 1894, стр. 212—213; сведения об урожайности в «Степных имениях» извлечены из: ТОГА, ф. 90, оп. 39, д. 33025, л. 39; оп. 41, д. 33903, лл. 47, 47об.

⁵¹ ЦГАДА, ф. 1290, оп. 3, ч. 1, д. 2185, лл. 63—64; д. 2190, л. 351 об.; д. 2197, л. 374 об.; д. 2202, лл. 323а—324.

в «Степных имениях» сократились в три с лишним раза. К началу 90-х годов доходы от собственного хлебопашества были в экономиях в три раза меньше, чем от сдачи земли в аренду,—6 389 руб. против 20 357 рублей⁵².

В 1883 г. в одной Кучеряевской экономии Юсупов сдавал в аренду 1 063 дес. пашни и 90 дес. сенокоса⁵³. На следующий год эти цифры соответственно возросли до 1 089 и 104 десятин⁵⁴. В Спасской экономии в 1886 г. в аренду было сдано 396 дес. пашни⁵⁵, а в 1888 г.—уже 1 203 десятины⁵⁶. В 90-е годы сдача земель в аренду увеличилась. Так, в Прудовской экономии в 1896 г. из 3 661 дес. пашни в аренде находилось 2 582 дес., или 70,5%⁵⁷, а в 1897 г. из 3 991 дес. пахотной и сенокосной земли было арендовано 3 196 дес., или 79,4%⁵⁸.

Полукрепостнические формы аренды и эксплуатации крестьян сохранились в «Степных имениях» вплоть до конца их существования. Однако 70—90-е годы были одновременно периодом, когда хотя и медленно, но постоянно шла перестройка сельскохозяйственного производства на прусско-капиталистический лад. Наряду с отработочным трудом все шире стал применяться вольнонаемный. Так, уже в 1875 г. только в двух экономиях — Прудовской и Орловской — на оплату годовых, поденных и отрядных рабочих была израсходована по тем временам довольно значительная сумма — 17 тыс. рублей⁵⁹. Еще более показательным в этом отношении является рост технической оснащенности «Степных имений». Так, к концу 90-х годов стоимость сельскохозяйственных машин достигла здесь уже 30 тыс. руб., то есть увеличилась по сравнению с 1895 г. в 15 раз⁶⁰.

К этому времени в имениях наблюдалось расширение собственного производства хлебов и других сельскохозяйственных культур для продажи на рынок. Промышленный подъем 90-х годов, рост городов, появление новых промышленных центров, увеличение спроса на хлеб за границей и т. п. были значительным стимулом для оживления и перестройки помещичьего хозяйства. Расширялись посевные площади под озимой пшеницей, картофелем, сахарной свеклой и другими высокотоварными культурами, а главное — резко возросла по сравнению с 60—70-ми годами доля продаваемого хлеба, достигшая в 90-е годы примерно 60—70% всех произведенных в экономиях зерновых⁶¹.

Однако указанный процесс так и не был закончен. И в 80—90-е годы на «серые» хлеба приходилось по-прежнему от 73% до 93% всей посевной площади, а на перечисленные выше товарные культуры, кормовые травы, гречиху и проч.—от 7% до 27%⁶². Многопольные севообороты так и не вышли из чисто экспериментальной стадии. О каких-либо устойчивых и обильных урожаях не могло быть и речи. Хотя количество продаваемого хлеба увеличилось, но кривая роста доходов от хлебной торговли неуклонно шла вниз.

Если такими были итоги развития помещичьего хозяйства «Степных имений» за четыре десятилетия после реформы, то положение крестьянских хозяйств этих имений, как и всего черноземного центра, было неиз-

⁵² Там же, оп. 7, д. 1346, кор. 73, лл. 27—33.

⁵³ Там же, д. 81, л. 2.

⁵⁴ Там же, оп. 5, ч. III, д. 4936, лл. 11, 12, 35, 45.

⁵⁵ Там же, д. 4896, лл. 12—16.

⁵⁶ Там же, оп. 7, д. 1128, кор. 64.

⁵⁷ Там же, оп. 5, ч. 1, д. 301, лл. 70—71.

⁵⁸ Там же, д. 297, л. 95.

⁵⁹ Там же, ч. III, д. 4934, лл. 3—6.

⁶⁰ Там же, оп. 5, ч. 1, д. 347, лл. 46—51.

⁶¹ Там же, д. 228, лл. 3 об., 5; д. 312, л. 37; д. 348, лл. 5 об., 6.

⁶² Там же, ч. III, д. 4938, лл. 1—2; д. 4897, лл. 1—2; оп. 5, ч. 1, д. 185, л. 1; д. 306, лл. 19, 71, 82; д. 297, лл. 95, 104; д. 312, лл. 43, 94, 102; д. 327, лл. 105, 115 об.; д. 348, лл. 8 об., 9; оп. 7, д. 1128, кор. 64, д. 1148, кор. 64.

меримо хуже. Аграрный кризис привел к резкому упадку подавляющей массы крестьянских хозяйств юсуповских имений. Сократились посевные площади и поголовье скота из-за истощения почвы, плохой ее обработки, засухи и т. п.; недороды и голодоморы сделали хроническим явлением. Все большее число крестьян, спасаясь от голодной смерти, искало заработков в Туле, Москве, Петербурге, портовых городах Одессе и Либаве и др.⁶³.

В 1861 г. на 100 крестьянских хозяйств Тульской губ. приходилось 26 лошадей, 36 голов крупного рогатого скота и 73,1 свиньи. В 1898 г. это число соответственно уменьшилось до 17 лошадей, 25,2 головы крупного рогатого скота и 39,7 свиней⁶⁴. Одновременно произошло и сокращение душевого надела: в среднем с 1,7 дес. в 1861 г. удобной земли до 0,8 дес. в 1900 году. Пахотной же земли в трех полях было и того меньше — только 0,6 дес. на душу⁶⁵.

Рост урожайности на наделных землях выражался в таких цифрах: за период — 1861—1870 гг. — с одной десятины было собрано озимых 38 пуд.; яровых — 38 пуд.; картофеля — 354 пуда; за 1871—1880 гг. соответственно — 38, 42 и 456 пуд.; за 1881—1890 гг. — 44, 39 и 438 пуд.; за 1891—1900 гг. — 44, 40 и 477 пудов.

Из этих данных видно, что урожайность озимых и яровых хлебов, а также картофеля за 40 лет пореформенного развития выросла крайне незначительно. Валовой сбор хлебов не только не увеличился, а, наоборот, снизился. Если в 60-е годы среднегодовой урожай составлял 30 646 тыс. пуд., то в 90-е годы — 26 558 тыс. пудов. Это было результатом сокращения посевных площадей.

К 1900 г. возрос только валовой сбор картофеля с 6 806 тыс. пуд. до 20 819 тыс. пудов⁶⁶. Однако картофель не являлся в крестьянском хозяйстве технической культурой. Он все более становился основным продуктом питания, уменьшая долю потребления хлеба.

Особенно сильно снижалось потребление хлеба (и ячменя) в голодные годы. В 1891 г., например, крестьяне примешивали к хлебу не только картофель, но и лебеду, древесные листья, мякину, солому, глину и прочее. Примеси достигали до 50% веса выпеченного хлеба⁶⁷. В качестве предметов питания приобрели большое значение всяческие суррогаты — жмыхи, отруби и др. Аналогичным было положение и в «Степных имениях».

С 1880-х годов начался процесс запустения и вымирания деревни, причем он шел настолько интенсивно, что даже помещики и земства стали выражать беспокойство. Так, доклады Тульской земельной управы, начиная с 70-х годов, все время говорили о прогрессирующем ухудшении положения «земледельческого класса», о скудных урожаях, голоде, стихийных бедствиях и т. п.⁶⁸.

В 1865 г. в связи с чрезвычайно плохим урожаем в «Степных имениях», приведшим к голоду, управляющий прудовским имением писал в Петербургскую канцелярию Юсупова: «Скудный урожай нынешнего года не остался без грустных последствий, — не говоря о множестве нищих, выпрашивающих... кусок хлеба целыми толпами, часто начали про-

⁶³ Там же, оп. 4, ч. II, л. 2156, л. 122.

⁶⁴ Журнал «Тульский край», 1926, № 1, стр. 40.

⁶⁵ «Тульский губернский комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности». Тула. 1903, стр. 53.

⁶⁶ «Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии...», стр. 162—163.

⁶⁷ См. Л. К. Марес с. Производство и потребление хлеба в крестьянском хозяйстве. Сборник «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства». Т. 1, 1897, стр. 67.

⁶⁸ См., например, «Доклады Тульской губернской земской управы» за 1876 г. Тула. 1876, стр. 10.

изводить воровства, а на дорогах нередко грабежи»⁶⁹. Бедствия крестьян были настолько велики, что даже Петербургская канцелярия вынуждена была переслать это письмо управляющему владельцу, приложив к нему образец «хлеба», который ели крестьяне и охарактеризовав его в качестве «помеси нисколько непитательной и неудобваримой»⁷⁰.

Голод повлек за собой эпидемии холеры, «горячки» и других болезней. В феврале 1866 г. в селе Спасском заболели «горячкой» 42 крестьянина; в деревне Прилепах тяжелобольных было 92 чел., из которых 14 умерло⁷¹. Особенно губительно отразился на крестьянах страшный голод 1891 года.

Как правило, хлеба у большинства крестьян даже в урожайные годы хватало только до зимы. Чтобы дотянуть до нового урожая, они должны были жить впроголодь, перебиваться случайными покупками хлеба на рынке, ссудами у помещика или у кулака, даваемыми большей частью за кабальные отработки.

С 1861 по 1868 г. крестьянам «Степных имений» была дана ссуда: ржи — 2 745 четв., овса — 4 778 четв., муки ржаной — 10 четвертей⁷². В 1886 г. часть недоимки должники погасили: они вернули 700 четв. ржи, 1 084 овса. Но в том же году крестьяне были вынуждены обратиться к Юсуповым за новой ссудой; им было выдано 687 четв. ржи и 1 229 четв. овса⁷³.

В документах за 70—90-е годы выдача ссуд не отмечена. По-видимому, это было связано с временным улучшением обеспеченности хлебом, вызванным, возможно, некоторым понижением арендных цен в кризисные годы. Но в начале XX столетия просьбы о хлебных ссудах возобновились почти во всем комплексе «Степных имений». Так, крестьяне сельца Прудов в апреле 1905 г. писали владельцам: «По случаю плохого урожая 1904 года мы все в настоящее время сильно нуждаемся в таком, так что у большинства домохозяев и сейчас уже нет ничего, до нового же урожая еще далеко, да притом еще неизвестно, какой будет... так как посеянные озимые порядочно пострадали от появившегося червя и засухи...»⁷⁴. В своем письме они просили выдать в ссуду рожь, взяв ее из Прудовской экономии, а «если в Прудовской экономии не окажется в наличности ржи, то хотя бы яровой пшеницы урожая 1904 года, притом желательнее, чтобы срок возврата пшеницы хотя бы рожью был поставлен в условия от урожая 1906 года или же хотя деньгами не дороже 60 коп. за пуд»⁷⁵.

Лишь меньшая часть крестьян «Степных имений» имела достаточно хлеба, чтобы не прибегать к ссуде. Это можно проиллюстрировать на примере обеспеченности хлебом в 1893 г. крестьян сельца Прудов⁷⁶.

Только в 19 дворах хватало собственного хлеба до нового урожая, причем в 9 из них возможно были и хлебные излишки. Остальные 67 хозяйств вынуждены были либо покупать хлеб, либо брать хлебную ссуду. Причем отметим, что 21 хозяйство имело хлеба только до ноября — декабря и 15 совсем были без собственного хлеба, составляли группу, совершенно разоренную, стоявшую на грани нищенства. К этому следует добавить, что в сельце проживали 29 душ (10 хозяйств), которые существовали исключительно заработками.

⁶⁹ ЦГАДА, ф. 1290, оп. 2, д. 1708, л. 143; д. 1709, л. 107.

⁷⁰ Там же, л. 107.

⁷¹ Там же, д. 1709, л. 133.

⁷² Там же, оп. 4, ч. II, д. 2156, л. 64.

⁷³ Там же, д. 2197, л. 275 об.

⁷⁴ Там же, оп. 5, ч. III, д. 4950, л. 37.

⁷⁵ Там же, л. 37 об.

⁷⁶ ТОГА, ф. 244, оп. 1, д. 272, лл. 2—7. Таблица составлена на основании подворного списка крестьян сельца, в котором указывалось количество имевшегося в каждом хозяйстве хлеба и срок, до которого его должно было хватить.

Обеспеченность хлебом	Число хозяйств	Число душ в семье свыше 3-летнего возраста	Имелось в наличии (в четвертях)				
			ржи	овса	гречи	проса	картофеля
I. Хозяйства, наиболее обеспеченные хлебом (от 10 четв. ржи и выше)	9	83	168	67	26	—	219
II. Хозяйства, обеспеченные хлебом до нового урожая (до 10 четв. ржи)	10	39	52	37	8	5	130
III. Хозяйства, обеспеченные хлебом до марта — мая 1894 года.	16	147	37	57	22	5	281
IV. Хозяйства, обеспеченные хлебом до января — февраля 1894 года	15	111	15	37	16	—	243
V. Хозяйства, обеспеченные хлебом до ноября — декабря 1893 года	21	115	6	39	6	—	285
VI. Хозяйства, не обеспеченные хлебом	15	65	—	—	—	—	100
Итого . . .	86	560	278	237	78	10	1258

Правда, данные за 1893 г. не совсем показательны, так как в это время еще сильно сказывались последствия голода 1891 года. Но, тем не менее, общую картину и тенденцию они, как нам кажется, вскрывают верно.

Аграрный кризис имел своим важным следствием не только ухудшение положения большинства крестьянских хозяйств, но и послужил серьезным толчком к усилению процесса расслоения деревни, начавшегося еще в дореформенный период. Заметим, что разложение крестьянства «Степных имений», как и всего среднечерноземного района России, протекало относительно медленно, сопровождаясь лауеризацией основной крестьянской массы. Это объяснялось рядом причин: господством в деревне среднечерноземных губерний крупных помещичьих латифундий, основанных на отработочном крестьянском труде, в силу чего крестьянское хозяйство в основной своей массе продолжало оставаться придатком помещичьего хозяйства; широким распространением кабальной земельной аренды, носившей очень часто докапиталистический характер (издольщина); непомерной тяжестью налогового пресса; правовой неправомерностью крестьянина и т. д.

Одним из ведущих признаков расслоения является, как известно, обеспеченность рабочим скотом.

На основании данных за 1896—1897 гг., обеспеченность лошадьми крестьянских хозяйств 10 селений «Степных имений» — деревни Барсуки, села Кукуй, сельца Белоколодезь, деревни Орлово, сельца Покровское, села Новгородского, сельца Прудов, сел Куркино, Прилеп, Ачкасово, Спасского, Акинфьево — можно представить таким образом⁷⁷: безлошадных дворов было 26,3%, однолошадных — 26,5%, с двумя лошадьми — 27% и 21,3% хозяйств имело три, четыре и больше лошадей на двор. Безлошадные и однолошадные составляли 51,7% всех дворов, но владели только 16,9% лошадей; 27% двухлошадных дворов имели 35,4% лошадей и у 21,3% многолошадных хозяйств было сосредоточено 17,7% всего кон-

⁷⁷ Там же, ф. 90, оп. 42, д. 37850, лл. 20 об., 50—51, 160 об

ского поголовья. Эти сведения совпадают с данными В. И. Ленина по 49 губерниям Европейской России⁷⁸. Таким образом, исходя из ленинской классификации крестьянских хозяйств, мы отнесем 51,7% безлошадных и однолошадных дворов к беднейшим хозяйствам, 27% двухлошадных — к средняцким и 21,3% многолошадных — к зажиточным и кулацким.

Процесс разложения и расслоения крестьянства находил свое выражение и в ряде других явлений, в частности в усилении отхода. В 1893 г. в сельце Прудах, селах Никитском и Новгородском из 1 545 крестьян на заработках находилось 273 человека, то есть почти пятая часть взрослого населения этих селений.

Материалы о составе отходников, к сожалению, очень скудны. Но одно очевидно, большинство, несомненно, составляла беднота. Так, в сельце Прудах за указанный год в отходе безземельных и безлошадных было 41,5%, середняков — 35,8%, зажиточных — 22,7%.

Часть крестьян «Степных имений», правда, небольшая и преимущественно середняцкая, искала спасения от разорения в переселении на малообжитые земли Сибири, Новороссии и Предкавказья. К сожалению, материалы о переселениях также очень ограничены, но приблизительную картину они все-таки дают.

В феврале — марте 1889 г. 6 крестьян села Новгородского и 3 из сельца Пруды подали заявления с просьбой о переселении. Разрешение получили семь семейств в количестве 81 человека, двум по неизвестным причинам в переселении было отказано.

Хозяйства переселявшихся выглядели так: семья Д. Леухина из села Новгородского состояла из 10 чел., владела 19 дес. земли, имела 7 голов крупного скота и 11 единиц мелкого. В семье односельчанина Федора Исаева насчитывалось 17 чел. Они имели 19 дес. земли; кроме того, 1½ дес. глава семьи арендовал у Юсупова. В хозяйстве было 7 голов крупного скота и 20 — мелкого. Семья А. Абрамова из того же села состояла из 14 чел., имела 19 дес. земли, 7 голов крупного скота и 19 мелкого. Четвертым был С. Хламов с семьей в 7 чел., у которой земли было 7 дес. 300 саж., 3 единицы крупного скота и 9 мелкого. Три семьи было из сельца Пруды. Семья Н. Пятихина насчитывала 6 человек. У нее было 3 дес. 2 106 саж. земли, 4 головы крупного скота и 6 мелкого. Ф. Панферов имел 16 душ, владел 17 дес. земли, 6 головами крупного скота и 15 мелкого. У Н. Ведешкина было 11 чел., 15 дес. 1 224 саж. земли, 6 голов крупного скота и 10 мелкого⁷⁹.

В 1905 г. крестьяне «Степных имений» вместе с крестьянами Тульской, Орловской, Рязанской и других губерний поднялись на борьбу против ненавистных помещиков. Донесения управляющих в Петербург за 1905—1906 гг. были полны тревоги и панического страха перед разрастающимся крестьянским движением.

В октябре — ноябре этого года крестьяне отказались выходить на работу в экономии, рубили господский лес и т. п. Так, например, в Прудовском имении крестьяне села Новгородского вырубали в Дубровском и Крутовражском лесах свыше 500 дубов⁸⁰.

В декабре события достигли наивысшего напряжения. Крестьяне села Непрядвино решили разгромить Прудовское имение, и только потому, что там случайно присутствовали казаки и полиция, разгром был предотвращен. Управляющий Прудовским имением в телеграмме от 10 декабря 1905 г. в связи с этими событиями сообщал в Петербург: «Что бу-

⁷⁸ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 114.

⁷⁹ ТОГА, ф. 241, оп. 1, д. 126, лл. 27 об., 28, 28 об., 29 об., 57, 57 об., 58.

⁸⁰ ЦГАДА, ф. 1290, оп. 5, ч. III, д. 4950, л. 94.

дет дальше, неизвестно. Прошу уволить меня от управления именьями. Остаться дальше невозможно; подвергаюсь ежедневно опасности лишиться жизни, нервы совершенно расшатаны. Соседние именья тоже громятся...»⁸¹.

Весной 1906 г., несмотря на спад движения, положение как в именьях Юсупова, так и в близлежащих селениях продолжало оставаться напряженным. Управляющий того же Прудовского именья писал в Петербург в мае 1906 г.: «Во многих местах нашего (Богородицкого.— Г. Ф.) и смежных уездов происходят сельскохозяйственные забастовки, крестьяне отказываются ходить на работу, требуя увеличения платы почтенной и подрядной». Через месяц он же сообщил: «Сельскохозяйственные забастовки захватывают все больший район в нашей местности. Близ Орловского хутора почти во всех именьях рабочие сняты. Орловские крестьяне всем обществом самовольно принялись косить экономические дуга. Управляющий, попытавшийся обратиться к исправнику и станному приставу за помощью, получил полный отказ, ввиду их полной беспомощности»⁸².

Подведем некоторые итоги. Как нам кажется, хозяйство «Степных имений» Юсупова можно считать типичным для средней черноземной полосы России (Тульская, Орловская, Рязанская губернии).

В основных чертах оно дает представление о характере и особенностях как помещичьего, так и крестьянского хозяйства этого района за почти полувековой период пореформенного развития. Неоспоримо, что «Степные именья» эволюционировали по пути капитализма.

В условиях черноземной полосы со многими полупомещичьими пережитками, в первую очередь помещичьим землевладением, капиталистическое развитие в сельском хозяйстве шло медленно и мучительно, сопровождаясь пауперизацией основной крестьянской массы, деградацией производительных сил, истощением почвы, упадком животноводства, непрекращающимися голодовками и т. п.

Попытка царизма вывести сельское хозяйство из хронического кризиса после революции 1905—1907 гг. с помощью проведения столыпинской аграрной реформы провалилась. Ход объективного развития неумолимо вел крестьян к новой народной революции под руководством рабочего класса.

⁸¹ Там же, л. 100.

⁸² Там же, лл. 179 об., 188.